

Ольга Ефимова

Шрамы, которые не болят

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

Шрамы, которые не болят

<https://litres.ru/73993289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший профайлер ФБР Майя Ковач умеет слышать то, что другие предпочли бы не замечать — чужие страхи, боль, тайные желания. Этот дар помог ей поймать серийных убийц, но он же заставил бежать от себя. Теперь она скрывается под личиной крупье в казино, где её способности приносят доход владельцам и позволяют забыть о прошлом.

Однажды за её столом появляется адвокат Лео Стоун с предложением, от которого невозможно отказаться. Его клиент — идеальный убийца по прозвищу «Шёпот», чьё сознание абсолютно пусто.

Чтобы спасти Анну, Майя вынуждена сдаться ФБР. Но не как информатор — как живое оружие. В обмен на иммунитет она должна «прочесать» мозги всех заключённых блока строгого режима и выяснить, кто убил дочь директора тюрьмы — дело, которое десятилетие не могут раскрыть.

Майя вступает в опасную игру, пытаясь подставить убийцу, не раскрывая своих карт.

«Шёпот тишины» — психологический триллер о цене дара, о том, что даже в абсолютной пустоте можно найти искру жизни.

Содержание

Глава	4
Пролог	4
Глава первая. Нулевой шум	10
Глава вторая. Вход в пустоту	21
Глава третья. Первый шрам	30
Глава четвертая. Человек, который забыл своё лицо	42
Глава пятая. Новая жизнь	56
Глава шестая. Исповедь мёртвого	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ольга Ефимова

Шрамы, которые не болят

Глава

Пролог

Три года назад. Вашингтон, округ Колумбия. Центр поведенческого анализа ФБР.

Он плакал ровно сорок семь минут.

Майя не смотрела на часы. Она чувствовала время по пульсу — своему и чужому. Убийца по прозвищу «Садовник» сидел напротив за металлическим столом, и его слёзы падали на сплетённые пальцы. Толстые, крестьянские руки. Шесть женщин в цветниках пригородных парков. Два года следствия. Ни одной зацепки — пока Майя не попросила разрешения сесть с ним в одной комнате.

Не как следователь. Как *слушатель*.

— Я не хотел, — прошептал он. — Они сами. Они сами приходили.

Майя молчала. Внутри её головы разворачивалась картина, которую он не говорил вслух. Не словами. Той частью мозга, что отвечает за страх. Майя *видела*: тёмно-синий

«форд», запах прелых листьев в салоне, дрожь в руках, когда он затягивал шнурок. Не её руки. Его. Но сейчас — её.

Она никогда не просила этот дар. Он пришёл сам — как идиотская суперспособность, за которую не платят надбавку, а только выдают таблетки от бессонницы и направление к психиатру раз в квартал.

— Скажи мне правду, — мягко попросила Майя.

«Садовник» поднял глаза. В них не было злобы. Было что-то хуже — *облегчение*. Восемь месяцев одиночной камеры, и вот, наконец, женщина, которая *слышит*. Которая не осуждает. Которая...

Он наклонился вперёд.

И Майя провалилась.

Это всегда случалось внезапно — как когда наступаешь на люк, а под тобой пустота. В этот раз пустота пахла фиалками и кровью. Она была в подвале. Нет, *он* был в подвале. Тело стало чужим, тяжёлым, пахнущим потом и старостью. Перед глазами — девушка. Связанная. Молящаяся.

Чужие воспоминания ворвались в её череп, как стая птиц в открытое окно. Майя почувствовала восторг от удушья. Ощутила, как по пальцам разливается тёплое, густое, *сладкое*.

— Хватит, — прошептала она вслух.

Но он не остановился. Он говорил. Выплёскивал то, что копилось годами. Каждое убийство — как любовное письмо. И каждое письмо оставалось в Майе.

Через три часа, когда «Садовник» подписал признание и его увели, Майя осталась сидеть за столом. Её руки тряслись. Она смотрела на свои пальцы и видела не свои — его. Грязные, с обломанными ногтями, в засохшей земле.

В туалете она мыла руки сорок минут. До крови. Пока кожа не начала слезать клочьями. Потому что никакая вода не могла смыть чужие воспоминания.

В тот вечер она позвонила своему начальнику и сказала:

— Увольняюсь.

— Майя, ты лучший профайлер, который у нас...

— Я больше не знаю, где заканчиваюсь я, и начинается он. Вы это хотите слышать? У меня в голове живут шесть мёртвых женщин. Они разговаривают со мной по ночам. Голосами его рук.

На том конце повисла тишина. А потом:

— Тебе нужен отпуск.

— Мне нужна другая жизнь.

Она повесила трубку.

Сегодня. Невада. Казино «Клевер».

Шум автоматов. Звон фишек. Пот, духи, сигаретный дым — коктейль, который Майя теперь вдыхала каждый вечер. Она стояла за зелёным сукном баккара в чёрном жилете и бабочке. Никто не знал, что женщина, сдающая карты толстому бизнесмену из Оклахомы, когда-то читала сознание серийных убийц.

Теперь она читала страх игроков. Видела, как дрожит ми-

зинец у того, кто собирается повысить ставку. Слышала, как ускоряется пульс того, у кого на руках «натурал». Она не мухлевала. Она просто *знала*.

Казино не жаловалось — Майя приносила им в два раза больше, чем стоила её зарплата.

А ей не нужно было много. Маленькая квартира без окон. Тёмные очки на выходе. Наличные в конвертах. И ни одного разговора дольше трёх минут.

Она научилась отгораживаться. Не слушать чужие страхи глубже, чем на поверхностном уровне. Как врач, который ставит градусник, но не лезет внутрь.

Сегодня за её стол сел мужчина в идеально сшитом костюме цвета мокрого асфальта. Он не играл. Просто положил перед Майей конверт и сказал:

— От Стоуна. Лично в руки.

Майя не взяла конверт. Она посмотрела на мужчину — и на секунду её защита дала трещину. Потому что в его голове она услышала не страх. Не жадность. Не похоть.

Она услышала эхо.

Пустую комнату. Шелест занавесок. Тишину, которая *смотрит*.

— Кто такой Стоун? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Адвокат. Его клиента зовут «Шёпот». И он говорит, что знает, где твоя сестра.

Мир вокруг — звон монет, голоса крупье, пьяный хохот

— схлопнулся в точку размером со зрачок.

Майя взяла конверт. Пальцы не дрожали. Она давно разучилась дрожать.

Внутри была фотография Анны. Живой. И номер телефона.

Под фотографией — подпись. Не от руки. Вырезанная из газеты, как делают в дешёвых детективах:

«Ты слышишь всех, Майя. Но сможешь ли ты услышать того, внутри кого ничего нет? Приходи. Сыграем.»

Майя спрятала фото в нагрудный карман. Подошла к столу менеджера. Сняла бабочку.

— Я увольняюсь.

— Ты не можешь, у тебя контракт...

— Сделайте мне одолжение, — она улыбнулась той улыбкой, которой научилась у одного из заключённых — от которой у собеседника немеют кончики пальцев. — Скажите спасибо, что я не сдала ваше казино налоговой за то, как вы обналичиваете чипы мёртвых игроков.

Менеджер побледнел. Майя развернулась и пошла к выходу.

За стеклянными дверями казино стояла ночь Невады. Сухая, горячая, пахнувшая бензином и пустыней. Майя достала телефон. Набрала номер, который помнила наизусть, хотя клялась себе никогда не набирать.

— Отдел поведенческого анализа ФБР, слушаю.

— Это Майя Ковач. Мне нужен иммунитет.

— Вы ошиблись номером.

— Передайте Хейлу — тому, из «Сухого ручья». Скажите, что я сдамся. Не как информатор. Как живая система наведения. Он поймёт.

Трубка молчала три удара сердца. Потом:

— Вас поняли. Ждите на месте.

Майя выключила телефон. Достала из кармана фотографию Анны. На обороте кто-то приписал чёрным маркером, таким же ровным, как и первый раз:

«Вьизгрьшиная комбинация — когда нет ни одной карты.

Удачи, крупье.»

Она закрыла глаза.

И впервые за три года позволила себе услышать не чужой страх.

А свой собственный.

Глава первая. Нулевой шум

Зал казино «Клевер» тонул в неестественных сумерках. Ни одного окна. Ни одного намёка на время суток. Только бесконечные ряды игровых автоматов, стрекочущих, как саранча, и зелёные поля столов, за которыми люди медленно убивали себя — фишка за фишкой, улыбка за улыбкой.

Майя стояла за столом баккара уже шесть часов. Ноги болели. Спина затекла. Но на лице — ни тени усталости. Профессиональная улыбка крупье — такая же обязательная часть униформы, как чёрный жилет и бабочка.

Она смотрела на игроков. Трое мужчин и одна женщина в ярко-красном платье, которая слишком громко смеялась и слишком часто поправляла причёску. Женщина проигрывала. Не потому что ей не везло. Потому что она боялась.

Майя видела этот страх за версту. Не глазами — другим, внутренним радаром, который когда-то сделал её лучшим профайлером в отделе поведенческого анализа, а потом превратил в изгоя, сбежавшего в пустыню.

Страх пахнет по-разному. Женщина в красном пахла потом и дешёвыми духами — резкий запах, который перебивает тревогу. Её пульс участился на десять ударов в минуту, когда она взяла карты. Мизинец на правой руке дрожал мелкой, почти незаметной дрожью. Она не знала, что Майя видит всё это. Никто не знал.

— Ещё карту, — сказала женщина. Голос слишком высокий, слишком звонкий.

Майя, не меняясь в лице, потянулась к колоде. Она не считала карты. Ей не нужно было считать. Она *слышала* — не ушами, а тем странным внутренним эхом, которое всегда жило в ней, как незаживающая рана. Женщина сейчас была на грани. Её мозг уже принял решение за три хода до того, как губы произнесли «ещё». Решение было ошибочным. Майя знала это так же точно, как знала, что солнце встаёт на востоке.

Она сдала карту.

Женщина открыла её — и её лицо вытянулось. Десятка. Перебор. Три тысячи долларов исчезли, как не бывало.

— Чёрт, — выдохнула женщина.

Майя ничего не сказала. Она никогда не говорила. Её работа была не предупреждать, а сдавать. Казино платило ей за то, чтобы она была идеальным механизмом. Но Майя была чем-то большим — и чем-то гораздо более опасным.

Она была живым детектором лжи. Детектором страха. Детектором того, что люди прячут даже от самих себя.

Дар пришёл к ней в детстве. Или, точнее, она никогда не знала жизни без него.

Майя помнила, как в пять лет сказала матери: «Папа врёт, когда говорит, что любит твои пироги. На самом деле он думает, что они слишком солёные». Мать тогда рассмеялась. Отец побледнел.

Потом, в школе, она огорошила учительницу: «Вы боитесь своего мужа. У вас синяк под тональным кремом». Учительница вызвала родителей. А Майю отправили к психологу, который долго и нудно объяснял, что «нельзя читать чужие мысли».

Но Майя не читала мысли. Она читала то, что люди не успели спрятать. Микродвижения губ. Расширение зрачков. Изменение тембра голоса на одну десятую тона. И — самое главное — частоту пульса, которую она слышала на расстоянии трёх метров, как собственное сердцебиение.

В ФБР этот дар назвали «эмпатическим резонансом». Майя называла его проклятием.

Потому что слышать чужие страхи — значит, носить их в себе. Каждый допрос оставлял в ней след. Каждый серийный убийца, каждый насильник, каждый человек, который смотрел на неё с мольбой или яростью, — они все вкладывали в неё частицу себя. Свои фантомные боли, ночные кошмары, тени ушедших — всё это моё. Через пять лет работы в ФБР Майя уже не знала, где заканчивается она и начинаются они. Тот, последний, «Садовник», сломал её окончательно. Она уволилась, сменила имя, купила поддельные документы и уехала в Неваду — туда, где никто не задаёт вопросов, если ты умеешь сдавать карты и держать рот на замке.

Три года она пряталась. Три года училась не слышать. И теперь почти получалось. Почти.

Следующий игрок — мужчина лет пятидесяти, в дорогом

костюме, с перстнем на мизинце. Мужчина не торопился. Он ставил понемногу, выигрывал, забирал фишки, снова ставил. Лицо спокойное, даже скучающее.

Но Майя слышала его сердце. Стук было так же громко, как если бы он бил кулаком по столу. Мужчина был на грани паники. Не потому что проигрывал — он выигрывал. Именно это и пугало его.

Его звали Ларри Салливан. Майя не знала этого имени — она никогда не спрашивала документы. Но она видела его историю, вышитую на его теле: татуировка на запястье — дата пять лет назад, помолвочное кольцо, снятое и надетое на правую руку (развод? смерть?), и главное — дрожь в пальцах, когда он выигрывал.

Ларри Салливан боялся успеха. Потому что когда-то успех обернулся катастрофой. Майя видела это не глазами — она *чувствовала* его воспоминание, расплывчатое, как сон под утро: звон бокалов, смех, потом крик, потом сирена. Он не убивал. Он просто оказался не на том месте. Но с тех пор выигрыш для него пах кровью.

Она сдала ему тройку. Потом восьмёрку. Потом даму. Ларри выиграл ещё пять тысяч и встал. Руки тряслись. Он забрал фишки, быстро пошёл к выходу, не оглядываясь.

Майя проводила его взглядом. Чужая паника осталась в ней на несколько секунд — липкая, холодная, как сырая простыня. Потом отпустила.

Она научилась выдыхать чужие страхи. Как сигаретный

дым. Впустить — и выпустить. Если не задерживать их внутри дольше трёх вдохов, они не успевают пустить корни. Это был единственный способ выжить.

Четырёх вдохов она уже не позволяла себе никогда.

В два часа ночи зал опустел. Осталось несколько игроков — профессионалы, которые приходят, когда любители расходятся. С ними было легче. У них не было паники. У них был холодный расчёт, и Майя не могла его считать. Расчёт не пахнет. Не стучит.

Она отдала стол сменщику и вышла в подсобку. Сняла бабочку, расстегнула верхнюю пуговицу рубашки. Комната отдыха для персонала была маленькой, с продавленным диваном и автоматом с дешёвым кофе. Майя налила себе чашку, села в угол.

Закрыла глаза.

И тут же мир наполнился шумом. Не тем, что снаружи, — тем, что внутри. Голоса. Обрывки чужих жизней. Женщина в красном, которая боялась перебора, но боялась ещё больше, что муж узнает о проигрыше. Ларри Салливан с его тайной катастрофой. Старик в углу, который играл в покер и мысленно молился не о выигрыше, а о том, чтобы дожить до утра — он только что вышел из больницы, врачи сказали «три месяца». Его страх был самым громким. Он заполнял всё пространство, как дым от пожара.

Майя открыла глаза. Два вдоха. Три. Четыре — нет, нельзя.

Она встала и подошла к раковине. Холодная вода на лицо. В зеркале — женщина тридцати трёх лет, с запавшими глазами и преждевременными морщинами вокруг рта. Красивая, но так, как бывают, красивы уставшие хищники. Она почти не пользовалась косметикой, потому что чувствовала её на коже как чужой запах.

— Майя?

Она обернулась. На пороге стоял Сэм — менеджер зала, толстый мужчина с вечно потными ладонями. Он нервничал. Майя слышала это по дыханию.

— Что? — спросила она.

— Там к тебе. За столом. Какой-то тип. Спрашивает именно тебя.

— Я не работаю приват.

— Сказал, что это не игра. Просто поговорить.

Майя внутренне напряглась. За три года в казино никто не приходил поговорить. Она была невидимкой. Именно этого добивалась.

— Как выглядит?

— Костюм. Дорогой. Лицо... не запоминается.

Это было плохо. Лица, которые не запоминаются, — профессия. Агенты. Частные детективы. Или те, кто ещё хуже.

— Скажи ему, что меня нет.

— Он сказал передать слово. «Конверт».

Майя замерла.

Конверт. Она не получала конвертов три года. Последний

конверт пришёл с уведомлением о смерти её информатора в Мехико. Тогда она поняла, что её прошлое всё ещё дышит ей в затылок.

— Ладно, — сказала она тихо. — Выхожу.

Он сидел за её столом. Игроки уже разошлись, остались только дилеры соседних столов, которые делали вид, что не смотрят. Мужчина лет сорока, в сером костюме, идеально выглаженном, с галстуком цвета бургунди. Туфли начищены до зеркального блеска. Часы — «Омега», не бросается в глаза, но дорогие.

Ничего особенного. Лицо, которое вы забудете через минуту после того, как отвернётесь. В меру симпатичное. В меру строгое.

Майя села напротив. Положила руки на стол — ладонями вниз, чтобы видеть его жесты.

— Вы хотели меня видеть.

— Майя Ковач, — сказал он. Голос низкий, ровный, без акцента. — Или теперь вы предпочитаете Джейн Доу?

Она не вздрогнула. Ни один мускул на её лице не дрогнул.

— Я не знаю никакой Майи Ковач.

— Конечно, не знаете. — Он улыбнулся. Улыбка не коснулась глаз. — Я адвокат. Лео Стоун. У меня есть клиент, который хотел бы с вами поговорить.

— Я не даю консультаций.

— Это не консультация. Это... сделка. Вы — профайлер. Очень хороший. Мой клиент — человек с очень необычным

сознанием. Он хотел бы, чтобы вы его проанализировали.

Майя молчала. Она слушала. Не слова — пульс. У Стоуна пульс был ровным, как у спортсмена во время тренировки. Никакого волнения. Никакого страха. Это было странно. Люди, которые приходят к сбежавшим профайлерам, обычно нервничают.

— Ваш клиент — кто он?

— Его называют «Шёпот».

Майя ничего не сказала. Она не слышала этого имени. Но само слово — «шёпот» — вызвало у неё неприятное ощущение. Как будто кто-то провёл холодным пальцем по позвоночнику.

— Я не работаю по уголовным делам.

— Это не уголовное дело. Это... вопрос жизни. Вашей сестры.

Сердце Майи пропустило удар. Один. Потом забилось чаще. Она не могла это контролировать. Она не могла скрыть это от него.

Стоун улыбнулся шире. Он заметил.

— Анна жива, Майя. Она у моего клиента. Не в заложниках в привычном смысле. Скорее... как гостя. Но если вы не согласитесь на встречу, гостя может задержаться навсегда.

— Вы угрожаете мне?

— Я констатирую факты. Моя работа — коммуникация. Я передаю сообщения.

Он достал из внутреннего кармана пиджака белый кон-

верт. Положил на зелёное сукно.

— Здесь фотография. И номер телефона. Позвоните, когда решите, что игра стоит свеч.

Майя не взяла конверт. Стоун встал, поправил манжеты.

— Я слышал о вашем даре, Майя. Говорят, вы слышите страх. Можете заглянуть в самую тёмную комнату человеческой души. — Он наклонился ближе. — Мой клиент — особенный. Его комната абсолютно пуста. Я хотел бы посмотреть, что вы услышите, когда там нечего слышать.

Он развернулся и пошёл к выходу. Походка лёгкая, уверенная. Ни следа сомнения.

Майя осталась сидеть. Смотрела на конверт. Её пальцы не двигались. Три года она строила стену. Три года она училась не слышать, не чувствовать, не помнить.

Она взяла конверт.

Внутри была фотография. Анна. Её младшая сестра — такая же темноволосая, с такими же глазами, но с более мягкой улыбкой. На фото Анна сидела на деревянном стуле в пустой комнате с белыми стенами. Босиком. В сером платье. На её лице не было страха. Вообще никакого выражения. Как у куклы.

На обороте — номер телефона. И одна фраза, напечатанная на принтере:

«Ты слышишь всех. Услышь того, внутри кого — ничего.»

Майя закрыла глаза.

И мир вокруг неё взорвался чужими голосами. Все стра-

хи, которые она заглушала три года, вырвались наружу. Женщина в красном. Ларри Салливан. Старик, который боялся умереть. Толпа игроков за соседними столами. Все они кричали в её голове, требуя внимания, требуя, чтобы она почувствовала их боль.

Она открыла глаза. Убрала фото в нагрудный карман.

Встала.

Сняла бабочку и положила на стол.

— Сэм, — позвала она. — Я увольняюсь.

— Что? Ты не можешь...

— Могу. Заберите из моей примерочной форму. Я пришлю адрес, куда перевести расчёт.

Она не слушала его возражений. Выход из казино — через шумный зал, мимо автоматов, мимо пьяных победителей, мимо проигравших, которые клялись, что в последний раз. Всё это вливалось в неё, как кислота. Но она не ставила блок. Впервые за три года она позволила себе услышать *всё*.

Потому что боль от чужих страхов была ничем по сравнению с тем, что «Шёпот» держал её сестру в пустой комнате.

Майя вышла на парковку. Ночь Невады ударила в лицо сухим жаром. Она достала телефон и набрала номер, который не набирала три года.

— Отдел поведенческого анализа ФБР, слушаю.

— Это Майя Ковач. Мне нужен разговор с Хейлом.

— Вас нет в базе.

— Скажите ему, что «Садовник» был только началом.

Скажите, что я сдаюсь. Не как информатор. Как живая система наведения.

Пауза. Потом женский голос, более осторожный:

— Где вы находитесь?

— Там, где кончается тишина. — Майя выключила телефон. Села в свою старую «Хонду», завела мотор.

В зеркале заднего вида отражался неон казино. Её прошлая жизнь горела разноцветными огнями. Она не оглянулась.

Машина выехала на шоссе — навстречу тому, чего она боялась больше всего на свете к возвращению.

Глава вторая. Вход в пустоту

Шоссе 95 тянулось через пустыню чёрной лентой, разрезающей темноту. Майя вела «Хонду» ровно восемьдесят миль в час — ни больше, ни меньше. Без спешки. Без паники. Только холодная, выверенная дисциплина человека, который привык, что за ним охотятся.

Фотография Анны лежала на пассажирском сиденье лицом вверх. С каждым километром Майя ловила себя на том, что смотрит на неё чаще, чем на дорогу. Пустая комната. Белые стены. Босые ноги. Выражение лица, которого нет.

Анна всегда была эмоциональной. В детстве она плакала из-за сломанной игрушки, из-за несправедливой оценки, из-за мальчика, который не позвал на выпускной. Она была громкой. Живой. Слишком живой для мира, который не любит громких.

То, что на фото, было не Анной. Это была её оболочка. Кто-то вынул содержимое, как жёлудь из скорлупы.

Майя сжала руль. Костяшки побелели.

Она знала, куда едет. Тюрьма особого режима «Сухой ручей» находилась в двух часах езды от Лас-Вегаса, посреди ничего — соляные равнины, колючая проволока, вышки с прожекторами, которые по ночам казались глазами гигантских насекомых. Там содержали тех, кого нельзя было отправить в обычную тюрьму. Людей без имени. Людей без бу-

дущего. Людей, чьи преступления были настолько чудовищны, что даже другие заключённые отворачивались, когда их вели по коридору.

Там работал Хейл. Директор, которого боялись так же, как и его подопечных.

Майя никогда не была в «Сухом ручье», но слышала о нём достаточно. Имя Гаррета Хейла всплывало в старых делах — каждый раз, когда ФБР требовалось что-то спрятать или кого-то наказать без суда. Хейл был из тех людей, для которых закон — это инструмент, а не ограничение.

И сейчас он был единственным, кто мог дать ей иммунитет.

Через час её телефон зажужжал. Неизвестный номер.

— Майя Ковач? — голос женский, стальной, без приветствия.

— Да.

— Сбавьте скорость. Через двадцать миль съезд на грунтовку. Не включайте фары дальнего света. Вас встретят.

Связь оборвалась.

Майя сбросила скорость до шестидесяти. В зеркалах — никого, только темнота и редкие огни встречных машин. Она не знала, следили ли за ней. С такой работой, как у Хейла, лучше предполагать, что да.

Грунтовая дорога началась внезапно — асфальт оборвался, и колёса зарылись в песок и гравий. «Хонда» затряслась. Майя вела медленно, вглядываясь в темноту.

Первое, что она увидела, — свет. Не прожектор — три точки, расположенные треугольником. Оповестительный знак. Она остановилась. Два человека в чёрном вышли из темноты — быстрые, молчаливые, с оружием на поясе.

— Выйдите из машины, — сказал один. Лица не разглядеть — низко надвинутые кепки, Балаклавы.

Майя вышла. Подняла руки. Не потому что боялась, а потому что знала правила.

— Вы — Ковач? — спросил второй. Голос моложе, но не менее жёсткий.

— Да.

— Следуйте за нами. Машину оставьте. Ключи на капоте.

Она положила ключи на горячий металл капота, взяла с пассажирского сиденья только фотографию и телефон. Всё остальное — документы, несколько сотен долларов наличными, старый пистолет без серийного номера — осталось в бардачке. Майя знала: если Хейл решит, что она не нужна, машину вернут. Если решит иначе — не вернут.

Её посадили в чёрный внедорожник без окон. Завесили шторкой заднее стекло. Она не видела дороги, но считала повороты — четыре левых, два правых, потом долгий прямой участок, потом вниз, под уклон.

«Спускаемся под землю», — поняла она.

«Сухой ручей» был не просто тюрьмой. Он был бункером.

Когда её вывели из машины, первое, что ударило в нос, — запах хлорки и старой крови. Тюремный запах, который

невозможно описать, если никогда не был внутри. Смесь дезинфекции, пота, страха и ещё чего-то сладковатого, гнилостного, что прячется за стенами.

Майя не содрогнулась. Она вдыхала этот запах, как дегустатор вина — разлагая на компоненты. Кровь здесь была не сегодняшняя. Гниль — не от трупа, от гниющей души. Запах людей, которые провели в бетонных коробках так долго, что перестали быть людьми.

Коридоры были узкими, выкрашенными в грязно-зелёный цвет, под ногами — бетонные плиты со следами шипованных подошв. Каждые десять метров — гермозамки. Каждый гермозамок — камера, сканер сетчатки. Люди в чёрном, которые её сопровождали, проходили проверку молча, быстро, без единого лишнего движения.

Майя считала про себя. Двадцать три шага от внедорожника до первого шлюза. Сорок семь — до второго. Тридцать один — до лифта. Лифт шёл вниз три этажа. Потом ещё коридор, длиннее, метров двести.

Она не сбилась. Профессиональная привычка. Всегда знать, где находишься. Даже когда не видишь стен.

Её привели в комнату без окон. Два стула, металлический стол, прикрученный к полу, камера в углу под потолком. Стандартная комната для допросов. Но не ФБР — здесь не было двухстороннего зеркала. Только бетон, камера и запах. — Ждите, — сказал сопровождающий и вышел.

Майя села. Положила руки на стол. Закрыла глаза.

И сразу же пожалела.

Комната была пропитана чужими страхами. Стены впитывали их годами. Каждый заключённый, который сидел здесь перед допросом, оставлял частицу себя — панику, надежду, отчаяние. Майя чувствовала это как электрический ток низкого напряжения. Невыносимо, но терпимо.

Она открыла глаза. Сосредоточилась на дыхании. Вдох — раз, выдох — два. Не впускать. Не впускать.

Дверь открылась.

Гаррет Хейл вошёл в комнату, как входит человек, который никогда не ждёт разрешения. Высокий, под два метра, с седыми висками и лицом, изрезанным глубокими морщинами. Глаза — светло-серые, почти прозрачные, как вода в горном озере. Смотреть в них было неприятно — они не отражали. Только поглощали.

На нём была простая серая рубашка с закатанными рукавами, без галстука, без знаков различия. Но Майя знала: этот человек мог уничтожить её одним звонком.

Он не сел. Обошёл стол, встал напротив, опёрся руками о столешницу. Посмотрел сверху вниз.

— Майя Ковач. — Голос низкий, с хрипотцой, как у человека, который много курит и ещё больше приказывает. — Три года ты пряталась. И вот — приползла. Интересно, что страшнее: маньяк, который похитил твою сестру, или я?

— Вы, — сказала Майя без запинки. — Потому что маньяком можно манипулировать. Вами — нет.

Хейл усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Умная. Это хорошо. Глупые долго не живут в «Сухом ручье». — Он выпрямился, заложил руки за спину. — Твой звонок заинтересовал ФБР. Не потому что ты особенная. Потому что я попросил. А я прошу редко.

— Вы хотите, чтобы я нашла убийцу вашей дочери.

Тишина повисла в комнате, как нож в воздухе.

Хейл не изменился в лице. Ни одна морщина не дрогнула. Но Майя услышала — там, глубоко внутри, пульс сбился на три удара. Всего на три. Но для неё это было как крик.

— Откуда ты знаешь про Хлою? — спросил он тихо.

— Слухи. ФБР не может раскрыть дело шесть лет. Оно стало легендой. «Убийство, которое молчит».

— Легендой. — Хейл отвернулся к стене, сделал шаг, другой. — Мою дочь убили в этой тюрьме, Майя. В моей тюрьме. Она пришла на экскурсию — выпускной класс криминологии. Кто-то завёл её в подвальный этаж, в старую котельную. Кто-то перерезал ей горло. Не быстро. Не аккуратно. Она умирала девять минут. Я знаю, потому что слышал её крик по внутренней связи. К тому моменту, как я добежал, было уже поздно.

Майя молчала. Она не могла ничего сказать. Потому что Хейл всё ещё не смотрел на неё, но его боль заполняла комнату — тёмная, вязкая, как нефть. Майя чувствовала её в горле. Свой собственный крик, застрявший где-то между грудной клеткой и позвоночником.

Она отгородилась. Вдох — раз, выдох — два.

— Вы знаете, что убийца — кто-то из заключённых или персонала, — сказала она.

— Знаю. И знаю, что у меня есть шесть лет улик, допросов, зацепок — и ноль результатов. Мои лучшие следователи упираются в стену.

— Потому что вы ищете мотив. А его нет.

Хейл резко повернулся.

— Что ты сказала?

— Убийца не хотел ничего. Ни мести, ни денег, ни власти. Он просто — убил. Как проверяют нож — на что способен. Такие люди не оставляют мотива. Они оставляют только пустоту.

— Пустоту, — повторил Хейл. — Знаешь, это слово мне уже говорили. Адвокат твоего «Шёпота». Он сказал, что ты — единственная, кто может услышать пустоту.

Майя похолодела.

— Вы знаете Стоуна?

— Я знаю всех адвокатов, которые суются в мою тюрьму. Лео Стоун приходит раз в месяц навещать клиента в блоке «А». Клиент без имени. Без истории. Просто номер — 734. Заключённые называют его «Шёпот». Говорят, он не разговаривает. Вообще. Только смотрит. И от его взгляда у людей начинаются судороги.

— Вы его допрашивали?

— Пытались. Он не издаёт ни звука. Ни страха, ни зло-

сти, ни желания сотрудничать. Психиатры говорят, что он — «белый шум». Сознание абсолютно тихое. Ни энцефалограмма, ни тесты на эмоции — ничего.

Майя вспомнила ощущение от одного имени «Шёпот» — холод по позвоночнику.

— Я должна его увидеть, — сказала она. — Это условие сделки.

Хейл снова подошёл к столу. Наклонился так близко, что Майя чувствовала запах его одеколона — резкого, с нотками можжевельника.

— Сделка, Майя, выглядит так. Ты получаешь временный иммунитет. Ты работаешь на меня. Ты допрашиваешь всех — каждого заключённого в блоке строгого режима. Каждого охранника. Каждого повара, каждого санитаря, который был здесь шесть лет назад. Ты находишь убийцу Хлои. А я, после того как ты найдёшь, — я решаю, жить тебе или сдохнуть в канализации. Вопросы?

— Что насчёт сестры?

— Это твоя проблема. Если ты найдёшь мне убийцу — у тебя будет время и ресурсы искать Анну. Если нет — ты умрёшь здесь, и Шёпот может делать с твоей сестрой что захочет. Идёт?

Майя посмотрела в его серые глаза. Ни страха. Ни жалости. Только холодный расчёт.

— Идёт, — сказала она.

Её отвели в камеру. Маленькую, два на три метра, с кой-

кой, раковиной и унитазом без крышки. Стены серые, как и везде. Ни зеркала. Ни телевизора. Только звуки — гул вентиляции и далёкие крики, которые долетали через несколько бетонных перекрытий.

Майя села на койку, обхватила колени руками. Ей не дали ничего — ни блокнота, ни ручки, ни телефона. Только тонкое одеяло и подушка в пластиковом чехле.

Она закрыла глаза.

И снова мир наполнился шумом. Но теперь это был не шум казино — поверхностный, бытовой, который можно было отсечь. Это был шум тюрьмы. Тысячи страхов, запертых в бетонных сотах. Страх перед насилием. Страх перед одиночеством. Страх перед тем, что завтра не наступит. Страх, который гниёт изнутри и просачивается сквозь стены.

Майя не выдержала. Открыла глаза. Но шум не исчез. Он был внутри неё теперь.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Не её дрожь. Чужая.

— Я больше не знаю, где начинаюсь я, — прошептала она в пустоту камеры.

Ответа не было.

Только далёкий крик заключённого — и тихий, едва уловимый свист воздуха в вентиляции.

Её новая жизнь началась.

Глава третья. Первый шрам

Утро в «Сухом ручье» не наступало. В подземных этажах не было окон, и время измерялось только сменой освещения — ровный, мертвенно-бледный свет люминесцентных ламп, который не менял яркости никогда. Майя проснулась от того, что услышала собственное сердцебиение. Слишком громкое. Слишком быстрое.

Она не помнила, когда уснула. Вчерашний вечер (или ночь — она уже не различала) растворился в череде коридоров, гермозамков, серых лиц. Хейл дал ей ровно двенадцать часов на адаптацию. «Потом приступишь, — сказал он у двери камеры. — У меня нет времени на твои сомнения».

Сомнений не было. Был только холодный, липкий страх, который она не могла отличить от чужого.

Майя села на койке. Голова гудела. Она потёрла виски — и почувствовала, как под пальцами пульсирует чужая боль. Не её. Вчера, когда её вели по коридору блоков, она уловила обрывок воспоминания какого-то заключённого — удары, сломанные рёбра, темнота. Осколок застрял под черепом, как заноза.

Она знала: так начинается заражение.

В ФБР у неё был ритуал. Перед каждым допросом — душ, медитация, визуализация стены. Кирпичик за кирпичиком она строила барьер между собой и чужим сознанием. Но

здесь, в камере без душа, с единственным ржавым краном раковины, ритуал казался насмешкой.

Майя встала. Открыла холодную воду, плеснула в лицо. Посмотрела на своё отражение в стальной пластине над раковиной — тусклое, размытое, но узнаваемое. Пока ещё узнаваемое.

— Майя Ковач, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, съеденный бетоном. — Твою сестру зовут Анна. Тебе тридцать три года. У тебя нет детей. Ты никогда не убивала. Ты никогда не была в тюрьме по ту сторону стола.

Она повторяла это как заклинание. Четыре раза. Потом остановилась.

Дверь камеры лязгнула — электронный замок открылся. На пороге стоял охранник, которого она не видела вчера. Молодой, с бритой головой и пустыми глазами. Такие лица быстро забываются.

— Хейл ждёт, — сказал он. Голос без интонаций.

Майя вышла. Её не заковали в наручники — странно для первого дня в тюрьме строгого режима. Значит, Хейл либо доверял ей настолько, насколько вообще способен доверять, либо, что вероятнее, знал, что бежать некуда.

Коридор, лифт, ещё коридор. Охранник шёл на три шага впереди, не оглядываясь. Майя считала повороты, двери, камеры наблюдения. Двадцать семь камер только на одном участке. Восемь герметичных дверей. Три коридора с акустической изоляцией — пол, стены и потолок обшиты чёр-

ным рифлёным пластиком. Здесь нельзя было крикнуть — звук гас, не пролетев и метра.

— Блок «Скорпион», — сказал охранник, когда они остановились перед массивной стальной дверью. — Самый строгий режим. Отсюда не выходят. Даже на прогулку.

— А кто здесь сидит? — спросила Майя.

— Те, кого уже некуда сажать. Психопаты, которым не помогают лекарства. Люди, которые убили своих сокамерников. Те, от кого отказались адвокаты. — Охранник набрал код на панели. — И один, который никогда не говорил ни слова.

Дверь открылась с шипением, как у медицинского автоклава.

Внутри блок пах иначе, чем основная тюрьма. Здесь не было хлорки. Здесь пахло человеком — потом, мочой, невымытой кожей и чем-то металлическим, похожим на кровь. Но Майя знала: металлический привкус в воздухе — это не кровь. Это страх настолько старый и глубокий, что он разъел сами стены.

Длинный коридор с камерами по обе стороны. В каждой — окошко из бронированного стекла, за которым виднелась фигура. Одни сидели, другие стояли, третьи ходили по кругу, как звери в клетке. Майя старалась не смотреть на них слишком пристально, но её дар работал на полную мощность. Камера слева — старик, который шепчет одно и то же имя уже двадцать лет. Камера справа — молодой мужчина

с лицом ангела, который смотрит в стену и видит лица своих жертв. Камера дальше — пустота. Не физическая — там сидел человек. Но его сознание было как выключенный телевизор: белый шум, рябь, ничего.

Майя замедлила шаг.

— Это 734? — спросила она.

Охранник кивнул.

— Шёпот. Не останавливайся. Хейл сказал, сначала работа с другими.

Она заставила себя идти дальше, но ощущение осталось — как будто кто-то провёл пальцем по её позвоночнику, не касаясь. Пустота. Абсолютная, шелестящая пустота. Впервые в жизни Майя встретила сознание, из которого не исходило ничего. Ни страха, ни боли, ни радости, ни злобы. Ничего.

«Как такое возможно?» — подумала она.

Ответа не было.

Комната для допросов в блоке «Скорпион» отличалась от той, где Майя вчера разговаривала с Хейлом. Здесь не было стола. Только два стула, прикрученных к полу, на расстоянии двух метров друг от друга, и стеклянная перегородка между ними. Не пуленепробиваемая — звукопроницаемая. Такие ставят в психиатрических клиниках для особо буйных.

— Подопечный сегодня — Карлос Родригес, — сказал Хейл, появившись из-за её спины. Он вошёл бесшумно, как и всё в этой тюрьме. — Прозвище «Эль Сапо» — «Жаба».

Осуждён за убийство троих детей. Но мы подозреваем, что их было больше. Гораздо больше.

Майя взглянула на досье, которое Хейл положил перед ней. Тонкая папка. Фото — мужчина лет пятидесяти, лысеющий, с плоским лицом и водянистыми глазами. Родригес не выглядел монстром. Он выглядел как усталый таксист или дежурный в супермаркете.

— Почему я должна его допрашивать? — спросила Майя.
— Дело Хлои не связано с педофилией.

— Связано или нет — ты узнаешь, когда поговоришь с ним. Родригес работал в тюрьме уборщиком в день убийства. Он видел всех, кто входил и выходил из котельной. Но он отказывается говорить с моими людьми уже шесть лет. Может, с тобой захочет. — Хейл скрестил руки на груди. — Или не захочет. Тогда ты идёшь дальше. У меня нет времени на сантименты.

— А если он заговорит — я получу его страх. Его память. Его...

— Я знаю, как работает твой дар. Мне плевать. Ты подписала контракт, Майя. Ты — живая система наведения. Наведи.

Он вышел.

Майя осталась одна в комнате. Через минуту с другой стороны стекла появился Родригес. Его привели двое охранников, посадили на стул, зафиксировали ремнями запястья и лодыжки. Он не сопротивлялся. Смотрел в пол.

Когда охранники ушли, Родригес поднял голову. Водянистые глаза уставились на Майю без интереса, без враждебности. Просто смотрели — и всё.

— Hola, — сказал он хрипло. — Ты новая. Красивая. Мне нравятся красивые.

Майя не ответила. Она закрыла глаза на секунду — настроиться. Вдох. Выдох. Стена из кирпичиков. Потом открыла.

— Карлос, — сказала она мягко, почти ласково. — Я не следователь. Я не хочу тебя судить. Я хочу понять.

— Понимать? — Он усмехнулся. — Никто не понимает. Психиатры говорят, я больной. Судьи говорят, я монстр. А я просто человек. У всех есть маленькие... секреты.

Он лгал. Майя слышала ложь не по словам — по пульсу, который был слишком ровным для человека, говорящего о секретах. Родригес не испытывал стыда. Он испытывал голод. Тот же голод, который она чувствовала у «Садовника».

— В день смерти Хлои Хейл ты был в котельной. Что ты там делал?

— Работал. Мыл полы. Уборщик — святая работа, мисс. Никто не замечает уборщика. А он всё видит.

— Кого ты видел?

Родригес наклонил голову. Его глаза заблестели — не слезами, чем-то другим. Интересом.

— А что ты мне дашь, если я скажу?

— Ничего, — честно ответила Майя. — У меня ничего

нет.

— Есть. У тебя есть... тишина. Ты молчишь, когда другие кричат. Мне это нравится.

Он замолчал. И в этой тишине Майя услышала то, чего не ждала.

Не пульс. Не дыхание. Голос. Воспоминание, которое Родригес не произносил вслух. Он думал о нём — и её дар ухватился за эту мысль, как хирург за скальпель.

Это было видение. Подвал. Тусклая лампочка. Бетонный пол, холодный и влажный. И девочка. Лет семи. В синем платье. Она не кричала — она уже научилась не кричать. Её глаза были широко открыты, и в них не было страха. Было только одно: *«Пожалуйста, не долго»*.

Майя почувствовала руки Родригеса. Своими руками. Тяжёлые, грубые пальцы, сжимающие маленькое горло. Она почувствовала восторг — тёплую, пульсирующую волну, которая поднималась откуда-то из живота и растекалась по телу. Восторг от того, что ты держишь чужую жизнь в своих ладонях. От того, что можешь нажать — и она оборвётся.

— Хватит, — прошептала Майя вслух.

Родригес улыбнулся. Он не знал, что она видит. Но чувствовал — что-то происходит.

— Тебе не нравится, ваша светлость? Ты хотела понять. Вот я и показываю.

Майя сжала подлокотники стула. Её пальцы побелели. Видение не уходило. Девочка в синем платье смотрела на неё

теперь, и Майя знала: это не реальный ребёнок. Это образ. Символ. Но боль была настоящей.

Она сделала усилие. Визуализировала стену — серую, высокую, из крупного кирпича. Представила, как вдавливают видение в эту стену, как замуровывают его заживо.

Кирпичик. Кирпичик. Кирпичик.

Видение исчезло.

— Кого ты видел в котельной? — повторила Майя. Голос не дрожал. Руки — да, но она спрятала их под столом.

Родригес вздохнул. Разочарованно. Игрушка перестала быть интересной.

— Никого. Я никого не видел. Я сказал твоим начальникам сто раз — в тот день в котельной никого не было. Кроме неё.

— Кроме Хлои?

— Если. Она пришла одна. Смотрела на трубы, делала фото на телефон. А потом... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, — потом я ушёл. И она была жива.

— Ты врёшь.

— Проверь.

Майя проверила. Она нырнула глубже — туда, где Родригес прятал правду. Но на месте правды была только боль. Его боль, не чужая. Родригес действительно не видел убийцу. Он был в котельной за двадцать минут до смерти Хлои, ушёл — и вернулся уже, когда тело нашли. Он не убивал её. У неё не было синего платья. У неё была белая блузка и чёрные брю-

ки. Убийца Хлои работал иначе — быстро, чисто, без восторга.

Майя вынырнула из его сознания, как из ледяной воды. В лёгких не хватало воздуха. Она поняла, что всё это время почти не дышала.

— Уведите его, — сказала она в микрофон, встроенный в панель перед ней.

Родригеса увели. Он улыбался на прощание.

Майя осталась одна. Она посмотрела на свои руки — и впервые заметила, что на запястьях появились красные пятна. Как будто её кто-то схватил. Крепко. Жёстко.

Это были следы пальцев Родригеса.

Она не понимала, как это возможно. Рациональный мозг знал: удушение девочки происходило в чужом воспоминании, а не в реальности. Но её тело реагировало так, будто она сама держала руки на чужом горле. Пальцы горели. Ладони зудели.

— Первый шрам, — прошептала она, вспомнив, как называла это в ФБР.

Хейл ждал за дверью. Он не спросил, что она узнала. Просто посмотрел на её запястья, на покрасневшую кожу, и его лицо осталось бесстрастным.

— Родригес не убивал Хлою, — сказала Майя. — Он даже не был рядом в момент смерти. Но он видел её за двадцать минут до. Она была одна. И, судя по его памяти, она кого-то ждала. Кого-то, к кому относилась не как к тюремному ра-

ботнику. Она улыбнулась, когда посмотрела на часы.

— Кому?

— Он не разглядел. Убийца прятался за углом. Родригес помнит только тень — длинную, худую, в тёмной одежде. И запах. Табака. Дорогого.

Хейл замер.

— Табак в тюрьме запрещён. Курят только изредка, контрабандный, дешёвый.

— Значит, убийца был не из заключённых, — сказала Майя. — И не из персонала низшего звена. У него были деньги, чтобы курить хорошие сигареты.

— Или он просто затыкнулся перед тем, как войти, — возразил Хейл. — Не делай поспешных выводов. Это всего лишь запах.

— Это не вывод. Это данные. — Майя потерла запястья, пытаясь согнать чужое прикосновение. — Я даю вам то, что он видел. А вы уж сами решайте, что с этим делать.

Хейл кивнул. Его глаза на секунду потеплели — или ей только показалось.

— Ты как? — спросил он. Небрежно, как о погоде.

— У меня есть ещё девять минут. — Майя взглянула на настенные часы. — Родригес оставался в котельной после того, как Хлоя умерла? Я не успела спросить.

— Спросишь завтра. А сейчас — отдых. Медицинский осмотр. У нас есть врач, который работает с... особенными сотрудниками.

— Я не хочу к врачу.

— А я не спрашиваю. — Хейл повернулся. — Пошли. И, Майя... следующий допрос будет тяжелее. Родригес — цветочки. В блоке «Скорпион» есть те, кто убивал своих детей. Своих родителей. Своих любовников. Ты будешь не просто слышать их — ты будешь становиться ими. На минуту. На час. На день. Если ты не научишься чиститься, ты не протянешь и недели.

Майя посмотрела на свои всё ещё дрожащие пальцы. На красные следы, которые не исчезали.

— Научите, — сказала она.

Хейл усмехнулся — впервые за всё время не жёстко, а почти дружелюбно.

— Тогда первое правило, Ковач: никогда не ныряй глубже, чем нужно. Взял информацию — выныривай. Не любуйся чужой болью. Не примеряй её на себя. Ты не Родригес. Ты не убивал детей. Твоя сестра — не его жертва. Повторяй это, пока не поверишь.

— Я не верю. — Майя подняла глаза. — Я не знаю, где заканчивается моя боль и начинается его.

— Тогда притворяйся. Притворяйся достаточно долго — и это станет правдой. Так работают все в этой тюрьме. И ты тоже научишься.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Майя осталась в коридоре одна. Через бронированное стекло камеры 734 на неё смотрела пустота. Белый шум. Ти-

шина, которая была громче любого крика.

«Ты следующий», — подумала Майя.

Пустота не ответила.

Глава четвертая. Человек, который забыл своё лицо

Медицинский блок «Сухого ручья» находился на первом подземном уровне, сразу над блоком «Скорпион». Туда вела отдельная лестница — узкая, винтовая, с перилами, покрытыми резиной, чтобы никто не поскользнулся, если вдруг побежит. Майя шла медленно. Её запястья всё ещё горели.

Врача звали Элис Чоу. Маленькая, суетливая женщина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и очками в толстой металлической оправе. Она не носила белый халат — только тёмно-синюю униформу, как у всего персонала тюрьмы, но с медицинской нашивкой на рукаве.

— Раздевайтесь до пояса, — сказала она, не глядя на Майю. Голос деловой, быстрый. — Садитесь на кушетку.

— Зачем? — спросила Майя, хотя знала зачем.

— Нужно зафиксировать исходное состояние. Хейл сказал, вы будете работать с ментальными отпечатками. Я должна проверять вас после каждого допроса. Кожные реакции, пульс, давление, рефлексы, — Чоу перечисляла, не поднимая глаз от планшета. — Если появятся органические изменения — мы их зафиксируем.

— Органические изменения?

— Синяки, которых не было. Шрамы. Изменение пигмен-

тации. — Чоу, наконец, посмотрела на Майю поверх очков. — Я работаю здесь пятнадцать лет. Видела людей, которые начинали кашлять кровью после допроса умирающего от рака. Видела, как у здорового мужчины отнялись ноги, потому что он слишком долго разговаривал с парализованным. Вы думаете, я поверю, что ваши запястья покраснели от аллергии на хлорку?

Майя молча сняла рубашку. Села на кушетку. Холодный пластик неприятно коснулся спины.

Чоу подошла ближе, взяла её руки, повернула ладонями вверх. Водила пальцем по красным следам, нажимала, спрашивала: «Больно?», «Здесь?», «А здесь?». Майя качала головой. Больно не было. Было чужое прикосновение — Родригеса, его грубые, потные пальцы, сжимающие горло девочки. Оно осталось на коже, как татуировка.

— Я выпишу вам мазь, — сказала Чоу. — Не поможет. Но вы будете думать, что помогает. Плацебо. Это единственное лекарство от вашей профессии.

Она записала что-то в планшет, потом добавила тише:

— Хейл не говорил мне, что вы — Ковач. Та самая. Из ФБР. Я читала вашу статью о психологической индукции в «Журнале поведенческих наук». Блестящая работа. Вы писали о том, что профайлер неизбежно заражается травмой объекта. Но вы не предложили решения.

— Потому что его нет, — ответила Майя. — Есть только отсрочка.

— Отсрочка до чего?

— До того, как вы перестанете отличать свои воспоминания от чужих. До того, как проснётесь однажды утром и поймёте, что не помните, как зовут вашу мать. Зато помните, как ваш отец бил вас ремнём — хотя ваш отец никогда вас не бил.

Чоу на секунду замерла. Потом сняла очки, протёрла их краем рубашки.

— И вы добровольно на это пошли? Ради сестры?

— А у меня был выбор?

— Всегда есть выбор. Умереть сразу или умирать по кусочкам. — Чоу надела очки. — Я буду честна с вами, Майя. Я не смогу вас вылечить. Никто не сможет. В лучшем случае — замедлить процесс. Но каждые две недели вы будете проходить тест на когнитивные искажения. Тридцать вопросов. Если в какой-то момент вы ответите на все тридцать как «не я» — мы сообщим Хейлу, и он примет решение.

— Какое решение?

Чоу не ответила. Она протянула Майе тубик мази без названия.

— Наносите перед сном. И постарайтесь не думать о Родригесе.

— Он убил троих детей, — сказала Майя. — Я видела, как он это делал. Чувствовала его руки на их шеях.

— Нет, — жёстко сказала Чоу. — Вы видели его *воспоминание* о том, как он это делал. Разница огромна. Воспоми-

ние — это не правда. Это версия правды, пропущенная через больное сознание. Вы приняли его версию. Вы поверили в неё. И ваше тело ответило.

Майя хотела возразить. Но слова застряли в горле. Потому что Чоу была права. Она не держала ту девочку. Она просто *поверила*, что держала. И этого оказалось достаточно.

Вернувшись в камеру, Майя не стала спать. Она села на пол, скрестила ноги, закрыла глаза — и попыталась вспомнить лицо Анны. Не с фотографии, где она сидела в пустой комнате, а живой. Смеющейся. Анна в день рождения, когда ей подарили щенка. Анна в выпускном платье, которое было слишком коротким, и Майя спорила с ней два часа. Анна, которая звонила в три ночи, чтобы рассказать, что влюбилась.

Лицо не складывалось. Вместо него появлялось другое — девочка в синем платье. Широко открытые глаза. Беззвучный крик.

Майя ударила кулаком по бетонному полу. Боль в костяшках отрезвила.

— Её зовут не Анна, — прошептала она. — Я не знаю, как её звали. Это не моя память. Это его память.

Она повторила это десять раз. Двадцать. Пока лицо девочки не поблекло. Не исчезло. Осталась только боль в руке — настоящая, своя.

В дверь постучали. Не охранник — мягко, почти вежливо. — Мисс Ковач? — голос незнакомый, мужской, с лёгкой

хрипотцой. — Меня зовут Лейтенант Уолш. Директор Хейл просил передать, что ваш следующий допрос через час. Заключённый Маркус Вейл, номер 892. Прозвище «Зеркало». Рекомендую почитать досье. Оно ждёт вас в комнате для допросов.

Майя встала. Потянулась, разминая затёкшие ноги. Полчаса до допроса. Она успеет.

Досье Маркуса Вейла лежало на том же столе, где вчера сидел Родригес. Толще, чем у «Жабы». Гораздо толще.

Майя открыла папку. Первая страница — фотография молодого мужчины лет тридцати, с идеально правильными чертами лица, тёмными волосами, зачёсанными назад, и пустыми глазами. Вейл был красив той холодной, неприятной красотой, которая заставляет людей отводить взгляд.

Она прочитала краткое досье. Маркус Вейл, бывший адвокат по бракоразводным процессам. Арестован четыре года назад за убийство шести своих клиенток. Метод — удушение. Мотив — не установлен. Вейл отрицал вину до последнего, но отпечатки пальцев, ДНК, видеозаписи с парковок — всё указывало на него.

Особый режим. Пожизненное без права на апелляцию.

В блок «Скорпион» Вейл попал после того, как убил своего сокамерника — просто так, без причины, во время завтрака. Удар пластиковой ложкой в сонную артерию. Охранники до сих пор не понимали, как это возможно.

Прозвище «Зеркало» он получил за то, что подражал сво-

им жертвам. Перед убийством он копировал их жесты, манеру говорить, даже запах духов. А после убийства — стирал себя. Становился пустым. Никто не знал, кто такой Маркус Вейл на самом деле. Возможно, он сам не знал.

Майя закрыла папку. Сердце билось ровно, но внутри нарастала тревога. Вейл был опаснее Родригеса. Родригес убивал из голода — примитивного, понятного. Вейл убивал из любопытства. Из желанья понять, каково это — быть кем-то другим. Он был профайлером-извращенцем. Её тёмным отражением.

Она посмотрела на свои руки. Красные пятна от Родригеса почти исчезли.

«Начнём, — подумала она. — Пока я ещё помню, кто я».

Вейла привели через десять минут. Он был выше, чем на фото — почти два метра, с широкими плечами, но двигался мягко, почти по-женски. Его запястья и лодыжки тоже были зафиксированы ремнями, но он не сопротивлялся. Сел на стул, выпрямился, положил руки на колени ладонями вверх. Поза открытости. Подчинения. Ложь.

— Майя, — сказал он. Голос низкий, бархатный. — Можно на «ты»? Мне кажется, мы будем хорошо работать вместе.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Хейл сказал. Он сказал, что ты — особенная. Что ты слышишь то, чего не слышат другие. — Вейл улыбнулся. Улыбка была красивой и совершенно пустой. — Я тоже кое-что слышу, Майя. Твой пульс. Он участился на семь ударов

в минуту, когда ты увидела меня. Тебе страшно. Интересно, чего именно?

— Я не боюсь вас, — сказала она правду. — Я боюсь того, что вы можете во мне оставить.

Вейл рассмеялся. Тихий, искренний смех, который не вязался с его репутацией.

— Оставить? Ничего. Я не оставляю следов. Я забираю. Знаешь, в чём разница между мной и Родригесом? Он — коллекционер. Он собирает чужие страхи, любителю ими, перебирает, как чётки. А я — падальщик. Я прихожу туда, где уже есть пустота. И занимаю её место.

Майя слушала. Не только слова — пульс, дыхание, микродвижения зрачков. Вейл не лгал. Он действительно не чувствовал страха. Не своего — чужого. Его собственное сердце билось ровно, как метроном.

— В день убийства Хлои Хейл, — начала Майя, следуя протоколу, — вы были в блоке «Скорпион». Но у вас была возможность выйти — в лазарет, на прогулку, в столовую. Вы видели что-нибудь необычное?

— Я всё вижу, — ответил Вейл. — Это моя проблема. Я не могу не видеть. Люди — открытые книги, Майя. Но ты знаешь. Ты такая же.

— Я спросила не о людях. Я спросила о событии.

— Событие было громким. Кричали. Бегали. Я сидел в камере и слушал. А потом пришёл запах. Ты знаешь, как пахнет смерть? Не кровь. Не разложение. Смерть пахнет тиши-

ной. В тот день в коридоре стало тихо. Очень. Даже вентиляция, казалось, затихла.

Майя запомнила это. Тишина. Тот же образ, который преследовал её со вчерашнего дня.

— Вы видели кого-нибудь в коридоре в тот час?

— Нет. Но я слышал шаги. Тяжёлые. Человек в хорошей обуви — не в тюремных ботинках. Каблук стучал по бетону с интервалом в... — Вейл закрыл глаза на секунду, припоминая. — В ноль целых семьдесят три сотых секунды. Знаешь, у кого такой шаг? У того, кто не боится быть замеченным. У того, кто идёт, а не крадётся.

— Адвокат? — спросила Майя.

Вейл открыл глаза. В них мелькнуло что-то — удивление? интерес?

— Ты знаешь, кто это был. Зачем же спрашиваешь?

— Я проверяю.

— Проверяй. Но будь осторожна. — Он наклонился вперёд, насколько позволяли ремни. — Знаешь, почему меня называют «Зеркало»? Потому что я отражаю. Я смотрю на человека — и становлюсь им. Ты смотришь на меня — и что ты видишь?

Майя не отвела взгляд. Но внутри неё что-то дрогнуло.

Вейл улыбнулся — шире, чем раньше.

— Ты видишь себя, Майя. Ты видишь женщину, которая потеряла себя и теперь ищет в других. Но ты не найдёшь. Потому что ты ищешь не там. Убийца Хлои — не в этих сте-

нах. Он приходит извне. Ты знаешь это. Ты просто боишься назвать имя.

— Если вы знаете имя — скажите.

— А что я получу?

— Ничего.

— Тогда — нет.

Вейл откинулся на спинку стула, расслабленный, почти довольный.

Майя закрыла глаза. Вдох. Выдох. Стена из кирпичиков. Она нырнула в его сознание, как в холодную воду.

Это было не похоже на Родригеса. Там, внутри Вейла, не было воспоминаний в привычном смысле. Была галерея масок. Лиц. Чужих лиц, которые он носил так долго, что они приросли к его собственной коже. Женщина, которая боялась темноты. Мужчина, который ненавидел свой голос. Ребёнок, который плакал по ночам. Все они жили внутри Вейла, говорили его голосом, смотрели его глазами.

И среди них — пустота. Место, где когда-то был он сам. Маркус Вейл — не «Зеркало», а то, что под ним. Там ничего не было. Только холодный, ровный шум, похожий на снег по телевизору.

Майя попыталась найти воспоминание о дне убийства Хлои. Оно было — тусклое, как старая фотография. Вейл сидел в камере, слушал крики. А потом дверь его камеры открылась — не охранником, кем-то другим. Кто-то в тёмном костюме вошёл, постоял секунду, посмотрел на Вейла и вы-

шел.

— Кто это был? — спросила Майя вслух.

Вейл — в реальности — улыбнулся.

— Ты уже знаешь, — сказал он её голосом.

В видении фигура в тёмном повернулась. Майя увидела лицо. Обычное. Не запоминающееся. То, которое вы забываете через минуту после того, как отвернётесь. Но на запястье — часы. «Омега». Такие же, как у адвоката Стоуна.

Она вынырнула.

В лёгких горело. В груди — чужое удушье. Не Родригеса — другое. Женщина, которую задушил Вейл. Её последние секунды. Сладкий запах его одеколona. Холодный, равнодушный взгляд.

Майя схватилась за край стола. Кирпичик. Кирпичик. Кирпичик.

— Уведите его, — прошептала она в микрофон.

Охранники вошли, отстегнули ремни. Вейл встал, поправил рубашку.

— Ты хорошо держишься, — сказал он на прощание. — Но «Зеркало» не бьётся. Оно только множит. Я оставлю тебе подарок. Маленький. Ты его не сразу заметишь.

Он ушёл.

Майя осталась сидеть, сжимая столешницу. Её пальцы оставляли вмятины в пластике.

Подарок Вейла обнаружился через час, когда Майя вернулась в камеру и посмотрела в стальную пластину над ра-

ковиной.

Её лицо изменилось. Совсем чуть-чуть. Уголки губ стали чуть тоньше. Скулы — чуть выше. Глаза — чуть глубже посажены. Если бы не её тренированный взгляд, она бы не заметила.

Но она заметила.

Она смотрела на себя и видела не себя. Видела одну из жертв Вейла. Женщину с фотографии в досье, ту, которую убили четвёртой. Её лицо теперь накладывалось на лицо Майи, как калька.

— Это не мои скулы, — сказала она вслух. — Это не мои губы.

Она отвернулась от пластины. Села на койку. Закрыла глаза.

И в темноте век увидела не темноту — а галерею масок. Все лица, которые нёс в себе Вейл. Они смотрели на неё. Требовали места.

— Я не вы, — прошептала Майя. — Меня зовут Майя Ковач. Мою сестру зовут Анна. Мне никогда не было восемь лет в подвале. У меня не было отца, который бил меня ремнём. Я не убивала своих клиенток. Я не умирала от удушья в собственном доме.

Она повторила это снова. И снова. Пока лица не исчезли.

Но когда она открыла глаза и посмотрела в пластину, её отражение всё ещё было чужим.

Ночью — если в тюрьме можно было назвать это ночью

— к ней пришёл неожиданный посетитель.

Не Хейл. Не охранник.

Лео Стоун стоял за дверью её камеры, держа в руках папку с документами. На нём был тот же серый костюм, идеально выглаженный. Те же часы «Омега» на запястье.

— Как вы сюда попали? — спросила Майя, не вставая с койки.

— Я адвокат. У меня есть пропуск в любую часть тюрьмы.

— Он улыбнулся — вежливо, холодно. — Хейл не любит меня, но закон есть закон. Пришёл проведать подзащитного. Заодно — вас.

— Вы знали, что Вейл видел вас в день убийства?

Стоун не изменился в лице.

— Вейл — больной человек. Он видит то, чего нет. Я не был в «Сухом ручье» в тот день. У меня есть алиби.

— Вы врёте. Я чувствую ложь. У вас пульс сбился на полудара.

— У меня всегда сбивается пульс, когда я смотрю на красивых женщин. — Стоун приблизился к решётке. — Я пришёл не спорить, Майя. Я пришёл напомнить вам о сделке.

— Я не забыла.

— Анна здорова. Она ест, пьёт, спит. Но каждую ночь она спрашивает: «Где моя сестра?». Вы хотите, чтобы я передал ей ответ?

Майя встала. Подошла к решётке. Разделяло всего несколько сантиметров прутьев и холодный воздух.

— Если вы тронете её, я найду способ убить вас. Даже если вы — единственный, чей страх я не слышу. Я найду способ.

Стоун наклонил голову.

— Не слышите? А вы пытались? — Он протянул руку сквозь прутья. — Прикоснитесь ко мне. Может быть, так вы услышите то, что не слышали раньше.

Майя отшатнулась.

— Не бойтесь. Я не кусаюсь. Я просто хочу, чтобы вы поняли одну вещь. — Его голос стал тише, почти интимным. — Мы с вами одинаковые, Майя. Мы оба пустые. Разница в том, что я выбрал эту пустоту. А вы пытаетесь её заполнить чужими жизнями. Но рано или поздно поймёте: её нельзя заполнить. Можно только принять.

Он убрал руку.

— У вас есть неделя, чтобы найти убийцу Хлои. Хейл не станет ждать дольше. А если он убьёт вас — сделка с ним сгорит. И Анна останется с моим клиентом навсегда.

Стоун развернулся и ушёл. Его шаги стихли в коридоре — ровные, тяжёлые, с интервалом в ноль целых семьдесят три сотых секунды.

Майя стояла у решётки, сжимая холодные прутья. Её лицо в тусклом свете коридора казалось чужим. Но она уже не была уверена — это лицо Вейла или её собственное.

Она закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Неделя. У меня есть неделя, чтобы не сойти с ума.

Пустота не ответила.

Глава пятая. Новая жизнь

На пятый день в «Сухом ручье» Майя перестала спать.

Не потому что не могла — тело требовало отдыха, веки тяжелели, разум мутнел. Но каждую ночь, когда она закрывала глаза, на неё смотрели. Лица из чужих воспоминаний. Девочка в синем платье. Женщина с чужими скулами. Мужчина, который плакал в подвале. Они приходили не по одному — все вместе, толпой, и требовали внимания.

Майя сидела на койке, обхватив колени, и смотрела в серую стену. Считала вдохи. Четыре секунды вдох, четыре — задержка, четыре — выдох. Техника, которой её научил армейский психолог после «Садовника». Она помогала, но не полностью. В углах сознания всё равно копошились чужие тени.

В дверь постучали. Три коротких удара — сигнал Хейла. — Выходи, — сказал он через динамик. — Сегодня особенный день. Ты встретишься с Шёпотом.

Майя встала так резко, что закружилась голова. Несколько секунд она держалась за стену, привыкая к вертикальности. Потом натянула чистую рубашку — её принесли утром вместе с завтраком, который она не тронула — и вышла в коридор.

Хейл ждал один. Без охранников. Это было странно.

— Идём, — сказал он и повернулся.

Они прошли мимо камер блока «Скорпион». Майя не смотрела на заключённых, но чувствовала их взгляды. Тяжёлые, маслянистые, исследующие. Некоторые кричали что-то вслеп, другие молчали. Родригес сидел на корточках у стены и рисовал пальцем на полу. Вейл стоял у стекла и улыбался — той самой пустой улыбкой, которая теперь отражалась в чертах Майи.

Она отвернулась.

Камера 734 находилась в самом конце коридора, за дополнительной гермодверью, которая открывалась по отпечатку сетчатки Хейла. Внутри был ещё один коридор — короткий, метра три, с мягкими стенами, оббитыми чем-то похожим на войлок.

— Звукоизоляция, — объяснил Хейл. — Чтобы никто не слышал. Но не его — он не издаёт звуков. Чтобы он не слышал нас. Иногда тишина бывает заразной.

Он остановился перед последней дверью. Посмотрел на Майю.

— Ты готова?

— Нет. — Она сказала правду.

— Тем лучше. Кто готов — тот уже проиграл.

Он открыл дверь.

Камера 734 была не похожа на другие. В ней была кровать — нормальная, с матрасом и простынями, не бетонная лежанка. Стол, прикрученный к полу. Книги на полке — штук двадцать, корешки разных цветов. И стул. Обычный дере-

вянный стул, на котором сидел человек.

Майя ожидала увидеть монстра. Кого-то с горящими глазами, с татуировками на лице, с мышцами, готовыми разорвать ремни. Она подготовилась к ужасу.

Но на стуле сидел старик.

Невысокий, худой, с абсолютно седыми волосами, зачёсанными назад. Одет в простую серую одежду заключённого — без номеров, без нашивок. Его лицо было спокойным, почти безмятежным. Ни одной морщины — как у куклы. Глаза — светлые, серо-голубые, смотрели прямо на Майю, но в них не было ни интереса, ни враждебности. Только наблюдение.

Он не был пристёгнут. Ни ремней, ни наручников. Просто сидел, сложив руки на коленях, и смотрел.

Хейл остался у входа. Он не вошёл в камеру — стоял на пороге, как на границе мира.

— Это он, — сказал тихо. — Номер 734. Без имени. Без истории. Мы не знаем, сколько ему лет. Не знаем, откуда он. Он не говорит. Никогда. Ни одного слова за десять лет.

— Десять лет? — переспросила Майя. — Он здесь десять лет?

— Его привезли из тюрьмы Гуантанамо. Официально — как особо опасный террорист. Но террористом он не был. У нас нет его досье. Нет приговора. Только приказ — «содержать пожизненно в полной изоляции». От кого приказ — не знает никто. Даже я.

Майя сделала шаг в камеру.

Тишина ударила в лицо. Не физическая тишина — вентиляция работала, где-то далеко гудели трубы. Другая тишина. Тишина сознания.

Она подошла ближе. Метр. Полметра. Теперь она стояла прямо перед стариком, глядя на него сверху вниз.

Он поднял глаза. И Майя провалилась.

Не так, как с Родригесом или Вейлом. Те были кричащими, полными, грязными. А здесь была пустота. Не чернота — пустота. Как будто она смотрела в космос. Ни звёзд, ни планет, ни света. Только холодное, бесконечное ничто.

Она попыталась ухватиться за что-то. За страх — нет. За боль — нет. За воспоминание — ни одного. Сознание Шёпота было как чистый лист бумаги, но не потому что на нём ничего не написали. А потому что кто-то стёр всё до последней буквы.

И в этой пустоте Майя услышала — нет, *почувствовала* — присутствие. Кто-то был там. В центре пустоты. Смотрел на неё. Не глазами — всем собой.

— Ты... — прошептала она. — Ты не человек.

Старик не ответил. Но его губы чуть дрогнули. На миллиметр. Этого хватило, чтобы Майя поняла: он слышит её. Он всё слышит. Он просто не считает нужным отвечать.

Она попыталась нырнуть глубже. Там, где кончается сознание и начинается что-то ещё. Может быть, инстинкты. Может быть, первобытный ужас.

Пустота стала плотнее. Она давила на виски, на грудную

клетку, на каждую клетку тела. Майе показалось, что она тонет. Не в воде — в тишине. Тишина заполняла лёгкие, вытесняя воздух. Тишина текла по венам вместо крови.

— Выходи, — услышала она голос Хейла. Откуда-то издалека. — Майя, выходи сейчас же.

Она не могла. Её ноги приросли к полу. Её глаза приросли к глазам старика. В его зрачках — в этих серо-голубых льдинках — она видела отражение себя. Не ту, которая стояла в камере. А ту, которая будет через месяц. Через год. Чистую. Пустую. Без страха, без боли, без воспоминаний.

«Ты станешь мной», — сказала пустота. Без слов. Без звука. Просто знание, которое возникло в голове Майи, как будто было там всегда.

— Нет, — выдохнула она.

И рванулась назад.

Она очнулась в коридоре. Хейл держал её за плечи, не давая упасть. Пол был холодным, пахло бетоном и железом. Майя дышала часто, глубоко, как выброшенная на берег рыба.

— Что ты видела? — спросил Хейл.

— Ничего, — ответила она. — Я видела ничего. Это самое страшное, что я когда-либо видела.

— Он что-то сказал?

— Он ничего не говорит. Он... передаёт. Я знаю, что он держит Анну. Не потому что он сказал. Потому что это знание теперь у меня в голове. Как будто я всегда это знала.

Хейл отпустил её. Майя прислонилась к войлочной стене.

— Я не могу его допрашивать, — сказала она. — Я не могу читать то, чего нет. Это как пытаться услышать цвет. Это невозможно.

— Тогда зачем он тебе понадобился? — спросил Хейл жёстко. — Зачем ты просила эту встречу?

— Чтобы убедиться.

— В чём?

— Что он не убивал Хлою. — Майя закрыла глаза. — И я убедилась. Он не убивал. Он не способен на действие. Он способен только на... присутствие. Он — это пустота. Пустота не режет горло. Пустота просто ждёт, пока ты сам в неё упадёшь.

Хейл молчал долго. Потом сказал:

— Мы уходим. Ты сегодня не работаешь. Отдыхай.

— У меня нет времени отдыхать.

— Отдыхай, — повторил он. — Это приказ.

Он помог ей встать. Майя опёрлась на его руку — впервые позволив себе слабость. Хейл был твёрдым и тёплым. Живым. В отличие от того, кто остался за дверью.

Они прошли обратно по коридору, через гермозамок, мимо камер. Вейл всё ещё стоял у стекла. Увидев Майю, он прошептал — едва слышно, но она прочитала по губам:

— Я же говорил. Ты ищешь не там.

В камеру Майя вернулась поздно. Чоу заставила её пройти медосмотр — давление было 150 на 100, пульс 120 в по-

кое. Врач хотела оставить её в лазарете, но Майя отказалась.

— Мне нужно подумать, — сказала она. — В лазарете слишком много чужих страхов.

Чоу не стала спорить. Выдала снотворное, велела принять обязательно. Майя взяла таблетки, но не выпила. Спрятала под подушку.

Она сидела на койке, смотрела в стальную пластину над раковиной и видела чужое лицо. Скулы Вейла. Губы, которых у неё никогда не было. Глаза, которые слишком глубоко посажены.

— Кто я? — спросила она у отражения.

Отражение молчало.

Она достала из кармана фотографию Анны. Посмотрела на неё. Пустая комната. Белые стены. Босые ноги. Сестра, которая смотрит в объектив без всякого выражения — так же, как Шёпот смотрел на Майю.

— Я вытащу тебя, — прошептала Майя. — Даже если для этого мне придётся стать пустой. Даже если я забуду, как тебя зовут. Я вытащу тебя.

Она поцеловала фото и убрала обратно.

Легла на койку. Закрыла глаза.

И в темноте снова увидела пустоту. Теперь она была не в камере 734. Пустота была внутри неё. Небольшой островок тишины, который появился после встречи со стариком. Он рос. Медленно, но неумолимо.

Майя знала: если этот островок заполнит её целиком, она

станет такой же, как Шёпот. Или как Вейл. Или как Стоун. Пустой, но опасной. Тихим убийцей, который не оставляет следов.

Она открыла глаза. Села.

— Не сегодня, — сказала она вслух. — Сегодня я ещё Майя Ковач. Сегодня я ещё помню, кто я.

Она достала из-под подушки снотворное, выбросила в унитаз. Воды из крана — холодной, с привкусом ржавчины — хватило, чтобы прогнать остатки сна.

Майя встала. Начала делать упражнения — приседания, отжимания, растяжку. Тело болело, но боль была своей. Настоящей. Она цеплялась за неё, как за якорь.

В дверь постучали. Три удара.

— Входите, — сказала Майя, не прекращая отжиматься.

Хейл вошёл, держа в руке папку.

— Ты не спала?

— Спать опасно. Во сне пустота растёт быстрее.

Он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул, как будто принял решение.

— Тогда работаем. — Он бросил папку на койку. — Следующий допрос. Заключение Эдди Моралес, номер 451. Прозвище «Счётчик». Он был санитаром в морге в день убийства Хлои. Видел тело. Говорил, что есть деталь, которую он никому не рассказал. Я дал ему десять лет на размышления. Теперь он готов говорить. Но только с тобой.

Майя поднялась с пола. Вытерла пот со лба.

— Почему только со мной?

— Потому что он умирает. Рак поджелудочной. Осталось две недели. И он хочет, чтобы его смерть была не напрасной. Он хочет, чтобы кто-то услышал его историю. По-настоящему. Не как свидетельские показания — как исповедь.

Майя взяла папку. На первой странице — фотография старика с глубокими морщинами и пустыми глазами. Не такими, как у Шёпота. Другими — уставшими, выцветшими.

— Я сделаю это, — сказала она. — Но сначала расскажите мне о Счётчике всё. Не то, что в досье. То, что вы знаете как человек, а не как директор.

Хейл сел на край койки — впервые нарушив дистанцию.

— Моралес был хорошим санитаром, — начал он. — Лучшим. Он умел говорить с мёртвыми. Не в переносном смысле — он действительно разговаривал с телами. Успокаивал их, говорил, что всё будет хорошо. Это помогало ему работать. А потом он увидел тело Хлои. И мёртвые перестали с ним говорить. С тех пор он молчит. Десять лет. И теперь, когда смерть пришла за ним, он хочет нарушить молчание.

— Почему именно я?

— Потому что ты — единственная, кто слышит тех, кто не говорит. Он почувствовал это. Умирающие чувствуют такие вещи.

Майя закрыла папку.

— Когда?

— Через час. В лазарете. Он не может ходить. — Хейл

встал. — И, Майя... будь осторожна. Счётчик носит в себе не только тайну Хлои. Он носит смерть. Ты можешь заразиться ею.

— Я уже заражена, — ответила Майя. — Вопрос только в том, сколько времени у меня осталось.

Хейл вышел.

Майя осталась одна. Она посмотрела на свои руки. Красные пятна от Родригеса исчезли. Чужие скулы всё ещё были на месте. Но внутри, в самой глубине, где она прятала свою личность, что-то менялось.

Она больше не была уверена, что выйдет из этой тюрьмы живой.

Но она была уверена в одном: она найдёт убийцу Хлои. Даже если это убьёт её.

Глава шестая. Исповедь мёртвого

Лазарет «Сухого ручья» находился на том же уровне, что и медицинский блок, но в противоположном крыле. Туда вел длинный коридор с матовыми стеклянными дверями, за которыми угадывались койки, капельницы, редкие фигуры в серых халатах. Запах здесь был другой — не хлорка и пот, а лекарства, спирт, антисептики и то сладковатое амбре, которое появляется там, где кто-то медленно умирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.